

«ВНОВЬ Я ПОСЕТИЛ...»

1

Через месяц с небольшим после смерти Пушкина Ал. Н. Карамзин писал: «Говорили, что Пушкин умер уже давно для поэзии. Однако же нашлись у него многие поэмы и мелкие стихотворения. Я читал некоторые, прекрасные донельзя. Вообще в его поэзии сделалась большая перемена, прежде главные достоинства его были удивительная легкость, воображение, роскошь выражений et une grâce infinie jointe à beaucoup de sentiment et de chaleur <и бесконечное изящество, соединенное с большим чувством и жаром души>; в последних же произведениях его поражает особенно могучая зрелость таланта; сила выражений и обилие высоких, глубоких мыслей, высказанных с прекрасной, свойственной ему простотою; читая их, поневоле дрожь пробегает и на каждом стихе задумываешься и чувствуешь гения».¹

Слова Карамзина о Пушкине, «умершем для поэзии», отражают почти общее мнение современников и вызваны тем, что в последнее пятилетие своей жизни Пушкин за редкими исключениями не печатал своих стихотворений. Таким образом, последний период его лирики, самый значительный по совершенству форм и глубине мыслей, оставался скрытым от современников. Отказ от публикации законченных и значительных стихотворений справедливо связывают с отсутствием близкого по духу журнала.²

Начав издавать «Современник», он готовил для публикации в нем несколько циклов своей лирики. В один из этих циклов должно было войти и «Вновь я посетил»; под названием «Сосны» оно включено в список стихотворений, который датируется периодом после 14 августа 1835 г. — до января 1836 г.³ Напечатать эти

¹ Письмо к Ал. Н. Карамзину от 13 (25) марта 1837 г., см. в кн.: Пушкин в письмах Карамзинных 1836—1837 гг. М.—Л., Изд. АН СССР, 1960, стр. 192.

² См.: Н. В. Измайлов. Лирические циклы в поэзии Пушкина 30-х годов. — В кн.: Пушкин. Исследования и материалы, т. II. М.—Л., Изд. АН СССР, 1958, стр. 22.

³ Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. М.—Л., «Academia», 1935, стр. 285—286. Ср.: Н. В. Измайлов. Лирические циклы в поэзии Пушкина 30-х годов, стр. 40—41. В список включено восемь стихотворений: «Из Вулуа, Кладбище, Мне не спится, Молитва, Сосны,

стихотворения (за исключением одного «Аквилопа») Пушкин не успел, и «Вновь я посетил» было опубликовано Жуковским, вскоре после смерти поэта, в V томе «Современника» под произвольным названием «Отрывок» и в составе столь же необоснованной рубрики «Последние три стихотворения А. С. Пушкина».⁴

Естественно, что Жуковский познакомил с готовящейся публикацией Карамзиных, и, когда Александр Карамзин писал о стихах, поразивших его «обилием высоких, глубоких мыслей», он имел в виду и «Вновь я посетил».

Стихотворение написано в Михайловском. Сохранились две черновые рукописи: одна в тетради ПД, № 846 (л. 30₂, 31₁, 31₂, 39₁, 39₂, 40₁),⁵ другая на обороте чернового письма к Е. Ф. Канкрину от 23 октября 1835 г. (ПД, № 210), а также одна перебеленная, на отдельном листе (ПД, № 986). Черновой текст в тетради является первоначальной разработкой всего стихотворения, на листочке (ПД, № 210) — только отрывка о няне; и там и там имеется большое количество отвергнутых при переделке, часто недоработанных стихов. В перебеленной рукописи стихотворение имеет законченный и отделанный вид.⁶ В конце текста поставлена дата: «26 сентября 1835 года».

Написано стихотворение, по-видимому, между 21 и 26 сентября. 10 или 11 сентября Пушкин, получив длительный отпуск, приехал в Михайловское. 14-го он сообщает жене: «писать не начинал и не знаю, когда начну» (XVI, 47), 19 и 20 сентября он провел в Голубове у Вревских, а 21-го снова сетует: «я все беспokoюсь и ничего не пишу, а время идет». Однако в этом же письме он просит: «Кстати, пришли мне, если можно, *Essays de M. Montagne* <«Опыты Монтеня»> — 4 синих книги, на длинных моих полках. Отыщи. Сегодня погода пасмурная. Осень начинается. А вoсь засяду» (XVI, 49). А еще через четыре дня, в следующем письме к жене от 25 сентября, написаны строки, содержащие лирическую тему стихотворения и центральный образ «зеленой семьи» сосен: «В Михайловском нашел я все по-старому, кроме того, что нет уж в нем няни моей и что около знакомых старых сосен поднялась, во время моего отсутствия, молодая сосновая семья, на которую досадно мне смотреть, как иногда досадно мне видеть молодых кавалергардов на балах, на которых

Осень в деревне, Не дорого ценю, Затем ты, бурный Аквилон, Последняя туча».

⁴ Кроме «Вновь я посетил», здесь были помещены «Лицейская годовщина. 1836» и «Молитва» («Отцы пустынноики и жены непорочны»).

⁵ Описание тетради ПД, № 846, в том числе автографа «Вновь я посетил», см. в статье С. М. Бонди в настоящем сборнике, стр. 385—390. Некоторые черновые варианты даются нами по рукописи и академическому изданию.

⁶ В тексте имеется несколько незначительных исправлений и зачеркнуты три строки после стиха 14-го: «А вечером при завываньи бури Ее рассказов, мною затверженных От малых лет, но никогда не скучных».

уже не пляшу. Но делать нечего; все кругом меня говорит, что я старею, иногда даже чистым русским языком. Например, вчера мне встретилась знакомая баба, которой не мог я не сказать, что она переменялась. А она мне: да и ты, мой кормилец, состарелся да и подурнел. Хотя могу я сказать вместе с покойной няней моей: хорош никогда не был, а молод был» (XVI, 50—51).

Кристаллизация замысла связана с эмоциональным состоянием Пушкина. Отпуск был милостиво разрешен царем вместо отставки, которой он добивался. С отказом в отставке рухнули надежды на внутреннюю независимость и на приведение в порядок денежных дел. Состояние душевной тревоги, мешавшее целиком отдаться творчеству, зафиксировано в письме к жене от 21 сентября. Через все письмо проходят беспокойство «чем нам жить будет?» и тревожные мысли о будущем детей («Все держится на мне да на тетке. Но ни я, ни тетка не вечны <...> Покаместь грустно» — XVI, 48, 49).

Размышления о денежных делах и будущем семьи тесно связывались с ощущением тягот своего общественного положения и с мыслью о возможной смерти. Досада на быстротекущее время, ощущение смерти как конечной точки жизни, к которой неминуемо придет каждый, обострялись при виде перемен, происшедших в Михайловском за протекшие 10 лет со времени ссылки. Осознание перемен вокруг себя, ощущение себя пережившимися в глазах других трансформируются в воспоминания. Воспоминания, взгляд на прошлое сегодняшними глазами и есть реальное свидетельство движения времени.

«Вновь я посетил» явилось поэтическим выражением философской мысли о постоянстве закона вечного движения и обновления жизни. Эта мысль вытекает из всего образного построения стихотворения, составляет его внутренний подтекст и обуславливает его поэтическую выразительность. Стихотворение состоит из четырех частей, или тирад, разной величины. В первой сообщается об очередном приезде автора в Михайловское, в остальных трех переданы его размышления. Оно начинается со второй половины стиха как продолжение рассказа. Такое начало как бы зафиксированный момент беспрерывно текущей жизни.

Поэт идет по привычной дороге из Михайловского в Тригорское. Картины вводятся постепенно, соответственно смене пейзажей на пути. Михайловские рощи, опальный домик, холм и озеро, дорога в гору, три сосны... Вначале упоминание о холме вводилось раньше, в первую строфу (стихи 9—10):

И кажется, вечер еще бродил
Я в этих рощах и сидел недвижно
На том холме, над озером.

Вторая половина 10-го стиха (после «рощах») и следующий стих зачеркнуты уже в перебеленном автографе, этим достигнуто

максимальное соответствие между движением человека и сменами пейзажа. Знакомый пейзаж вызывает воспоминание о прошлом, а новая зеленая поросль сосен обращает мысли к будущему. Размышления, владевшие человеком в пути, приводят его к философскому обобщению.

Вся динамика тирад-частей подчинена единому мотиву — динамике жизни. В первой части назван предмет размышления, «общий закон», подчиняющий все и вся, в последней он формулируется как постоянное обновление жизни. Все стихотворение — это система рассуждений, подводящая к заключительному тезису-выводу. Вечное обновление жизни и в смене поколений, и в смене возрастов, и в смене психологической сущности человека, и в неповторимости каждого мгновения. Смена поколений обозначена упоминанием о «дедовских владениях» и «внуке». Границы «дедовских владений» стали границами владений самого поэта, которые потом перейдут к его «внуку». Продолжение жизни — основное назначение человека; следуя этому закону, человек воспроизводит себя в потомках. Пушкин, приехав в Михайловское, вспоминает няню, которой уже нет в живых; пройдут годы, и потомок поэта, «внук», будет вспоминать своего «деда». Упоминание о няне расширяет границы понятий «потомки» и «предки». Арина Родионовна не была матерью поэта, но она вложила в него частицу своей нравственной сущности, которая была им впитана и стала частью его «я».

Тем же законам изменения подчиняется и природа. Она также движется во времени и пространстве. И человек, и растение, умирая, оставляют после себя ростки новой жизни. Две сосны породили «зеленую семью» кустов, «племя младое» сосен, которое в будущем перерастет «знакомцев» поэта и, так же как «внук» поэта, будет жить, когда самого его уже не будет в живых. Этой естественной цепочке, следствию процесса жизни как отклонение от нормы противопоставлена одинокая сосна — «старый холостяк», вокруг которого «по-прежнему все пусто».⁷

Единство человека и природы, их общность в процессе бытия закреплены единственной на все стихотворение метафорой:

Зеленая семья: кусты теснятся
Под сенью их, как дети...

Образ молодой сосновой рощицы, которая уподобляется «семье», очеловечивает природу и подготавливает заключительную строфу — обращение поэта к «племеню младому», которое в данном контексте воспринимается и как выросшие молодые деревья, и как величественный символ бесконечного будущего.

⁷ Ср. рассуждение о «холостяке» в письме к П. В. Нащокину от января 1836 г. (XVI, 73).

Сегодняшнее «я» поэта также дано не как неподвижное состояние, а как мгновенный этап жизненного процесса. Ощущение изменения человека, постоянного психологического процесса, в нем совершающегося, передается через мотив воспоминаний. Идя по знакомой и много хоженной дороге, поэт вспоминает о прошлом («минувшее меня объемлет живо»). Однако собственно воспоминаний о жизни в Михайловском, о событиях и эмоциях, ее заполнявших, в стихотворении нет. Единственный намек на психологическое состояние периода ссылки содержится в стихах:

Я сживал недвижим — и глядел
На озеро, вспоминая с грустью
Иные берега, иные волны...

Из всей гаммы эмоций и впечатлений периода ссылки Пушкин берет только воспоминания о жизни в Одессе. Вместо собственно воспоминаний приводится воспоминание о процессе воспоминания в прошлом. Это дает временную перспективу, создает ощущение глубины, непрерывной цепочки этапов жизни.

Представление об изменяемости, подвижности человеческого «я» должно возникнуть из сопоставления стихотворения с хорошо известными читателям событиями биографии поэта. Два года жизни в Михайловском были годами ссылки. Определение ссылки отрабатывается в черновиках особенно тщательно. Первоначальные, почти нейтральные формулы («Два года юности моей невольном», «Два года бурной младости моей В спокойствии невольном и отрадном», «Два года грустной юности моей В унынии невольном и пустынном») отменяются ради более точной: «Изгнанником два года незаметных». Здесь ссылка названа прямо, без околичностей. С упоминанием о ссылке связаны значительный жизненный этап и комплекс психологических моментов, отразившихся в поэзии и известных читателю. «Изгнанником» — это слово, за которым скрываются вполне определенные переживания. Новым для читателя становится отношение поэта к этим переживаниям. Эпитет «бурной», пожалуй, лучше всего определяет совокупность событий личной и общественной жизни периода михайловской ссылки: здесь и эмоции, связанные с вынужденным отъездом из Одессы, и крушение большой любви, новые увлечения, приезды Пущина и Дельвига, творческие искания и находки, наконец декабрьская катастрофа, опасения ареста, трагическое восприятие расправы с друзьями и единомышленниками, новое царствование, напряженное ожидание освобождения. Другие, также отброшенные эпитеты — «печальная юность», «уныние невольное» — обозначают то «бешенство скуки», которое диктовало письма-вопли Пушкина и вело к безумным планам бежать за границу или просить как милости заточения в Соловецкий монастырь.

В окончательном варианте стихотворения биографически точные эмоциональные эпитеты отбрасываются. «Покорный общему закону», переменялся поэт, изменилось и отношение к прошлому. «Два года незаметных» — это оценка прошлого тридцатилетним Пушкиным. Два года ссылки, заполненные событиями и эмоциями, в проекции из сегодня в прошлое сжимаются до «незаметных». В этом эпитете «минувшее» предстает перед поэтом в новом качестве, как реальное свидетельство непрерывности жизненного процесса, подтверждающее, что время действительно «переменяло много» для поэта.

При нарочито фрагментарном построении стихотворения оно имеет предельно четкую и завершенную композицию. Мотивы и темы, намеченные в первой части, логически завершаются в последней. Названный в начале «закон жизни» раскрывается постепенно как философский тезис о вечном изменении жизни, о смерти и бессмертии и формулируется в конце; тема юности поэта, о которой он вспоминает, завершается образом юного беспечного «внука», идущего той же дорогой с «приятельской беседы», и, наконец, смысл центральной темы — воспоминаний, проходящей через все стихотворение, раскрывается в последнем слове стихотворения — «вспомянет», как залог бессмертия человека. Бессмертие человека — это его потомки и память о нем.

Завершенность композиции проявляется и в глагольном оформлении стихотворения.⁸ Вполне определенные грамматически глагольные формы воплощают авторские раздумья, воспроизводят движение, развитие и являются главным средством организации словесно-образной системы стихотворения. Первые три тирады эпизода построены на сочетании настоящего времени с разными формами прошедшего. Первый полустих «Вновь я посетил» — это недавнее прошедшее, от которого и ведутся экскурсии в прошлое, выраженные в разнообразных оттенках совершенного и несовершенного вида. В первых полтора тирадах, раскрывающих тему воспоминаний, глаголы употреблены в настоящем времени только два раза, причем оба раза в соотношении с прошлым: «минувшее меня объемлет» и «не слышу я шагов ее тяжелых». Настоящее время овладевает текстом при переходе к пейзажу (стелется, плывет, тянет, рассеяны, подымается, стоят, теснятся, стоит), как бы утверждая этим долговечность природы по сравнению с человеческим бытием. И, наконец, последний абзац построен в будущем времени (не я увижу, перерастешь, заслонишь, вспомянет). Будущее — это когда поэта уже не будет, т. е. бесконечность бытия за пределами его жизни, поэтому единственный гла-

⁸ О значении глагольных временных форм в стихотворении см. в статье: С. Е. Шаталов. Образец философской лирики. (О стихотворении Пушкина «Вновь я посетил»). — Ученые записки Таджикского гос. университета, т. XIX, вып. 2, 1958, стр. 25—36.

гол, в будущем времени относящийся к местоимению «я», связан с отрицанием («не я увижу»). Будущее принадлежит природе в новом измененном качестве и потомкам.

Композиционная четкость стихотворения сочетается с «нагой простотой» его стиля. Точность и неукрашенность выражения приближают язык стихотворения к живой разговорной речи. В 1830-е годы Пушкин «преодолеl стеснительную условность стиховых рамок и довел язык до прозаической свободы (<...> до разговорного строя», — писал А. С. Орлов.⁹ Речевой строй стихотворения — это речь самого Пушкина. В стихотворении нет «затейливых украшений», поэт прямо называет предметы, слова насыщены тонкой и точной конкретностью. Отбор эпитетов сопровождается глубокой психологической и бытовой мотивировкой («опальный домик», «кропотливый дозор», «убогий невод», «дорога, изрытая дождями»). Принцип прямого названия предметов нарушается только в заключительной части стихотворения, когда деревья метафорически называются «семьей». Одновременно в словесную ткань здесь включаются «высокие» слова, славянизмы («младая роща», «младое племя», «глава»); «расставленные как смысловые вехи», они заражают все окружающее огромной лирической силой.¹⁰

Прозаическая свобода разговорного строя стихотворения подкреплена его формой и ритмической структурой. Стихотворение написано пятистопным бесцезурным ямбом. Пятистопный ямб без цезуры — вид стиха, наиболее приближенный к живому говору. Отсутствие рифмы усиливает смысловую и интонационную роль ритма, повышает выразительность каждого слова. В 1818 г. Пушкин написал язвительную пародию на стихотворение Жуковского «Тленность», написанное белым стихом:

Послушай, дедушка, мне каждый раз,
Когда взгляну на этот замок Ретлер,
Приходит в мысль, что, если это проза,
Да и дурная? ...

(II, 464)

Позднее он сам пользовался бесцезурным ямбом (в «маленьких трагедиях», «Русалке»), но ограничивал его применение драматургией.

Во второй половине 1830-х годов «дурная проза» получила права и в лирике Пушкина.¹¹ Первым опытом был перевод на

⁹ А. С. Орлов. Пушкин — создатель русского литературного языка. — В кн.: Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, вып. 3. Л., Изд. АН СССР, 1937, стр. 38.

¹⁰ См.: Л. Я. Гинзбург. О лирике. М.—Л., «Сов. писатель», 1954, стр. 244.

¹¹ В «Путешествии из Москвы в Петербург» (1833—1834) Пушкин писал: «Думаю, что со временем мы обратимся к белому стиху. Рифм в русском языке слишком мало» (XI, 263).

чала поэмы Р. Соути «Медок» (1829—1830), затем послание к Мицкевичу «Он между нами жил» (1834), перевод из Барри Корнуола «О бедность, затвердил я наконец» (1835) и «Вновь я посетил».

Драматургическая, разговорная природа пятистопного бесцезурного ямба соответствует форме стихотворения. Оно построено как монолог-размышление, некоторые элементы его напоминают приемы сценической речи: стих начинается как бы с середины речевого потока, вводятся указательные выражения («Вот опальный домик», «Вот холм лесистый») — все это более обычно для драматических монологов, нежели для лирического стихотворения. Естественность интонации создают синтаксические переносы из строки в строку («Скривилась мельница, насилу крылья Ворочая при ветре...»), а также строение отдельных частей стихотворения, когда каждая часть начинается с неполного стиха и неполным стихом кончается. Это как бы графическое обозначение смысловых пауз живой речи, соответствующих абзацам прозаической формы. И как в прозе абзацы почти не бывают равновеликими, так и здесь каждая из тирад-абзацев стихотворения состоит из разного количества строк: 10, 17, 20, 9.

По форме стихотворение близко к монологу князя в «Русалке»: пятистопный ямб без рифм, указательные выражения («Вот мельница», «Ах, вот и дуб заветный»), смысловые переносы («...листья, Поблекнув, вдруг свернулись и с шумом По-сыпались...»). Сближает монолог поэта и монолог его героя и тема воспоминаний. Возможно, что ситуация, в которой оказался поэт осенью 1835 г., когда окружающая природа вызвала горестные воспоминания, и которая была сходна с одной из сцен его трагедии, обусловила и выбор формы для стихотворения, тем более что в черновиках стихотворения теме воспоминаний отведена более значительная и несколько иная роль, чем в окончательном тексте.

2

Черновая редакция стихотворения значительно превышает его окончательный объем. Из черновых рукописей, помимо многочисленных вариантов отдельных стихов последней редакции, выделяются большие куски, не включенные поэтом в окончательный текст стихотворения. Черновые отрывки сами по себе являются абсолютно совершенными с точки зрения поэтической. Это обстоятельство повлияло на историю публикации стихотворения. Несмотря на существование Беловой рукописи с датой в конце, публикаторы часто заменяли отдельные строки черновыми вариантами и включали в основной текст отрывки, извлеченные из черновиков. При первых публикациях отдельные замены вызывались цензурными соображениями. Жуковский, напечатавший стихотво-

рение в V томе «Современника» с заглавием «Отрывок», заменил стих «Изгнанником два года незаметных» на «Отшельником два года незаметных» и вместо «опальный домик» поставил «смиренный домик». Но тот же Жуковский сделал несколько произвольных, неоправданных замен. Первый стих начат словами «Опять на родине», которых нет ни в одном из черновых вариантов; вставлены три зачеркнутых Пушкиным (уже в белой рукописи) стиха о няне: «А вечером при завываньи бури Ее рассказов, мною затверженных От малых лет, но никогда не скучных». Кроме того, отдельные ошибки были вызваны неправильным прочтением текста.

Произвольные поправки Жуковского надолго вошли в печатный текст стихотворения.¹² Почти все издания до 1924 г. перепечатывают зачеркнутые Пушкиным строки о няне, повторяют «отшельником два года незаметных» и «смиренный домик».

В черновой рукописи (ПД, № 846) после последней строки «И обо мне вспоминает» стоит черта и ряд тире, а за ними большой кусок текста, начинающийся словами «В разны годы». После того как П. В. Анненков извлек из черновика и напечатал отрывок «В разны годы...»,¹³ этот отрывок, начиная с издания под редакцией Г. Геннади,¹⁴ входит во все дореволюционные издания на правах заключительной части стихотворения. Различные ошибки, вставки зачеркнутых строк белой рукописи и извлечения отрывков из черновой в разных прочтениях создавали впечатление, что стихотворение не было закончено Пушкиным. Поэтому в издании под редакцией С. А. Венгерова после заглавия «Вновь я посетил» в скобках сделано примечание: «Не закончено и не отделано».¹⁵

Стихотворение было вновь прочтено и напечатано по белой рукописи в одномомнике 1924 г. под редакцией Б. Томашевского и К. Халабаева.¹⁶ Этот текст почти без изменений входит во все последующие издания. Отрывок «В разны годы» печатается теперь как отброшенный вариант стихотворения (III, 996).

¹² Историю печатного текста «Вновь я посетил» и публикацию вариантов автографа (ПД, № 846) см.: М. Л. Гофман. Посмертные стихотворения Пушкина 1833—1836 гг. — В кн.: Пушкин и его современники, вып. XXXIII—XXXV. Пб., 1922, стр. 392—400. Более обстоятельно историю публикации стихотворения изложил Н. Я. Соловей; ему же принадлежит исследование его творческой истории, см.: Н. Я. Соловей. История создания и публикации «Вновь я посетил...» А. С. Пушкина. — Ученые записки Московского пед. института им. В. И. Ленина, т. 405, 1970, стр. 89—118.

¹³ П. В. Анненков. Материалы для биографии А. С. Пушкина. СПб., 1855, стр. 116.

¹⁴ А. С. Пушкин. Сочинения. Изд. А. Я. Исакова. Т. 1. СПб., 1859, стр. 521.

¹⁵ Пушкин. «Сочинения». Под ред. С. А. Венгерова. Т. IV. СПб., 1910, стр. 38.

¹⁶ А. С. Пушкин. Сочинения. Л., ГИЗ, 1924, стр. 377.

Однако и после установления текста исследователи поддаются соблазну рассматривать черновые куски, отброшенные поэтом, как полноправную часть стихотворения. В сочинениях Пушкина эти куски печатаются в разделе «черновые редакции», а при анализе стихотворения вклиниваются в беловой текст и занимают вновь те самые места, с которых были убраны поэтом. Основанием для такого свободного обращения с текстом служат ссылки либо на нежелание Пушкина вводить в стихотворение отрывки, «представившиеся ему слишком открытыми и слишком интимными», либо на его стремление убрать длинноты, нарушающие «скупую сдержанность и лаконизм повествования».¹⁷ При этом считается, что замысел стихотворения в процессе работы не менялся и что для понимания его исключенные отрывки «представляют большой интерес».¹⁸

Из такого комбинированного анализа черновых и беловых вариантов делаются выводы, что стихотворение «носит безусловно интимный характер»¹⁹ и что оно декларирует художественное творчество как якорь спасения, как единственную отдушину в атмосфере общественной напряженности, вызывавшей тягостные и окрашенные пессимизмом лирические признания поэта.²⁰ Между тем и размышления Пушкина «о своей судьбе», и о поэзии как «ангеле-утешителе» — все это относится к черновым вариантам и исключено поэтом из окончательного текста. Исключенные отрывки и варианты объясняют не «замысел», который в процессе работы видоизменился, а его возникновение, истоки, объясняют творческий процесс и свидетельствуют о психологических импульсах, приведших к созданию стихотворения.

В черновиках непосредственность переживаемых эмоций ощущается в полной мере. Первый черновик стихотворения показывает, что оно было задумано как размышление о прошлом, как подведение итогов жизненного пути. Лирическое событие — возвращение в родные края и связанные с этим воспоминания — и было основной темой стихотворения. В первом варианте воспоминания относятся только к годам ссылки. В дальнейшем ходе творческой мысли картина воспоминаний расширяется, включая и первый приезд в Михайловское; пишется отрывок «В разны годы под вашу сень» (л. 40). Этот отрывок не может быть «отброшенным вариантом окончания», потому что воспоминания о ссылке повто-

¹⁷ Н. В. Измайлов. Лирические циклы в поэзии Пушкина 30-х годов, стр. 43; Н. Л. Степанов. Лирика Пушкина. М., «Сов. писатель», 1959, стр. 402.

¹⁸ Н. Л. Степанов. Лирика Пушкина, стр. 402.

¹⁹ Б. Энгельгардт. Историзм Пушкина. К вопросу о характере пушкинского объективизма. — В кн.: Пушкинист. Историко-литературный сборник, кн. II. Пгр., 1916, стр. 102.

²⁰ Н. В. Измайлов. Лирические циклы в поэзии Пушкина 30-х годов, стр. 43.

рены здесь почти в тех же выражениях, в которых они даны в основном черновике; принятие этих стихов как заключительных требовало бы исключения воспоминаний о ссылке на л. 30₂ (ПД, № 846) и разрушило бы композицию всего стихотворения. Отрывок «В разны годы» — это, конечно, новая попытка обработать мотив воспоминаний 1824—1826 гг. (л. 30₂).²¹

Композиционная законченность стихотворения и упоминание о михайловских рощах (т. е. отправной точке размышляющего поэта) позволяют сделать предположение, что, если бы замысел, зафиксированный в основном черновике, остался без изменений, отрывок «В разны годы» мог встать на место первого упоминания о рощах и составить вторую тираду — абзац стихотворения.

К этой же стадии работы, когда тема воспоминаний разрабатывалась детально, относится и записанный на отдельном листе (ПД, № 210) и также не вошедший в окончательную редакцию отрывок о няне. Кроме портретных черт старой няни — спутника поэта в годы ссылки, с особой тщательностью и со множеством вариантов отрабатываются в этом отрывке строки о песнях и сказках Арины Родионовны, подкрепляющие четко обозначенную в основном черновике тему творчества и поэтического восприятия жизни. В характеристику Арины Родионовны включаются реминисценции из «Зимнего вечера», где ее образ также через «песни» связан с темой искусства, поэтического творчества («И вечером, при завываньи бури Ее рассказов, мною затверженных От малых лет»; «Не слышу я по зимним вечерам»; «И вечером, когда бужет буря»).

В первом варианте стихотворение — своеобразная поэтическая исповедь, отражающая драматические, кризисные моменты жизни. Некоторые откровенные трагические признания очень близки ко второй (отброшенной при окончательной доработке) части стихотворения «Воспоминания». Одновременно это и оценка пережитых прошлых лет сегодняшним Пушкиным. Таким образом, основная идея стихотворения — поступь времени; идея движения уже намечалась, но воспоминания еще связаны со стремлением определить себя, становление своего характера, т. е. являются инструментом углубленного самоанализа. С этим пристрастным взглядом на прошлое связано огромное количество вариантов почти каждой строки. «Кипящий юноша», «свободы жадный», через несколько лет вновь появляется в Михайловском «усталым изгнанником», которому «судьба» успела «истомить» сердце и ожесточить «незрелый ум». Этот «усталый изгнанник», как и сегодняшний поэт, предавался воспоминаниям, и уже тогда в его размышлениях о прошлом юное кипение петербургской жизни,

²¹ Этой точки зрения придерживается также Н. Я. Соловей, см.: Н. Я. Соловей. История создания и публикации «Вновь я посетил...» А. С. Пушкина.

былая беспечность, жажда свободы, пропущенные через призму самоанализа, превращались в «грустные заблуждения», а юность представлялась «потерянной» («Я размышлял о грустных заблуждениях Об испытанных юности моей»; «Я размышлял о юности моей, Потерянной среди грустных заблуждений»; «Я размышлял о грустных испытанных, Ниспосланных мне промыслом»).

Пять раз повторенное в черновых вариантах слово «заблуждения» с различными эпитетами («грустные», «бурные», «безумные») и такие сочетания слов, как «потерянная младость», «утраченная юность», «товарищ минутный» и др., возвращают нас к лирике первой половины 1820-х годов. Словом «заблуждения» Пушкин обозначал петербургские страсти начиная с элегии «Погасло дневное светило», где впервые применен самоанализ и «впервые поставлен вопрос о пересмотре жизненного пути».²² В лексических формулах воспоминаний о юности мы узнаем ощущение душевного распутья, неудовлетворенности прошлой жизнью, характерные для лирики юга и Михайловского: здесь и душевные травмы, и политический скептицизм. Две темы — клевета и измена друзей — навсегда остались в сознании поэта, к ним он неизменно обращался, оглядываясь на прошлое. В южной лирике реальной основой этих тем были известная сплетня Ф. Толстого и отношение к поэту некоторых «минутных друзей его минутной младости», потом тема клеветы навсегда связалась с «коварством» Александра Раевского. В черновике строка о клевете имеет наибольшее число вариантов, включая все оттенки мучительных переживаний, с нею связанных: «суровая», «насмешливая», «строгая», «уязвившая сердце», «опутавшая». Однако при философском взгляде на жизнь, быстротекущую и конечную, острые переживания прошлых лет кажутся мелкими, незначительными. Два мучительных года ссылки при взгляде из сегодня в прошлое сжались до «незаметных», а былые обиды представляются теперь порождением «незрелого ума», «ожесточения», «усталого сердца» (см. варианты стихов 10—14: «Был молод — но уже судьба со мной»; «Усталое мне сердце истомили»; «Ожесточен мой был незрелый ум»; «И думал я с презрением и враждою»; «Я был ожесточен»; «в унынье часто Я помышлял о юности моей»). Равно и юношеские бравады представляются ненужными и бессмысленными. Отсюда и странное и необъяснимое, казалось бы, определение ссылки как «строгого, заслуженного осуждения». Так воспоминания о прошлом сливаются с исповедью, самоанализ приводит к раскаянию.

При окончательной обработке стихотворения границы явлений, подлежащих поэтической трактовке, сузились. Из эмоций, связанных с воспоминаниями, кристаллизовалась общая мысль,

²² См.: Б. В. Томашевский. Пушкин, кн. I. М.—Л., Изд. АН СССР, 1956, стр. 389.

«судьбы закон». Эмоции, вызвавшие появление этой мысли, сохранились в стихотворении, но приобрели более обобщенный, абстрактный характер. Воспоминания, как инструмент для самоанализа, теперь не удовлетворяют Пушкина. Вместо конкретных воспоминаний о прошлом и самоанализа — размышление о жизни, «важная дума испытанного жизнью человека».²³ Биографические реалии, душевные травмы, смятенная лирическая стихия — все это остается в черновиках, как дневниковые свидетельства психологического состояния поэта. Душевный опыт, все, что мучило и увлекало поэта, включается в общие связи объективного порядка. Биографические реалии «получают новый смысл, становятся знаками исторической судьбы современного человека».²⁴ В «Евгении Онегине» Пушкин «воплотил открытие человека как изменяющегося характера».²⁵ Это открытие Пушкин, «поэт действительности», применил к лирике. Движение лирической темы в зрелой лирике Пушкина обусловлено законом развития личности. Внутренний облик лирического героя дается в движении. Во «Вновь я посетил» движение героя, изменение его жизненной позиции определено через тему воспоминаний. Но воспоминания предстают уже не как горестный рассказ о прожитой жизни, ее заблуждениях и ошибках, а как обязательное условие нравственного опыта, который может иметь всеобщее значение.

С процессом обобщения связано и исключение из стихотворения темы творчества. В черновиках стихотворения автор — поэт. Об этом упоминается несколько раз. Сперва Михайловское названо «уголком», где для автора «безмолвно протекали Часы печальных дум, иль снов отрадных (вариант: Часы печальных дум иль мыслей ясных Или трудов свободно-вдохновенных)». Печальные думы о жизни противопоставлены «снам отрадным», «мыслям ясным» и «сладким думам» поэтического вдохновения. Это противопоставление в наброске «В разны годы» суммируется в тезис: «Поэзия как ангел-утешитель спасла меня». В окончательном варианте эта важнейшая мысль о спасительном влиянии творчества отбрасывается.

«Судьбы закон» — это продолжение себя в потомках, вечная смена поколений, обусловленная развитием жизни. Этому закону подчиняются все — и простые смертные, и поэт Пушкин. «Я» как организм из плоти и крови будет разрушено временем, так же как и предметы, вещи, сделанные руками человека («скривилась мельница, насилу крылья Ворочая при ветре...»); постоянен и вечен только инстинкт продолжения жизни. Бессмертие поэта

²³ В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. VII. М.—Л., Изд. АН СССР, 1955, стр. 353.

²⁴ Л. Я. Гинзбург. О лирике, стр. 217.

²⁵ Г. А. Гуковский. Пушкин и проблемы реалистического стиля. М., Гослитиздат, 1957, стр. 285; о применении принципа исторического реализма в лирике Пушкина см стр. 280—291.

заложено в его творчестве. О поэте будут вспоминать не только его «внук», но и «внук славян» и даже «всяк язык». Убежденный в этом Пушкин мог сказать: «Нет, весь я не умру, — душа в заветной лире Мой прах переживет и тленья убежит», но поэтическое бессмертие не связано с законом вечного обновления материи. Это другая тема, и раскрывается она Пушкиным в других стихотворениях. Тема творчества отбрасывается, как и воспоминания о «клевете» и «бурных заблуждениях», т. е. как биографическая реалья.

Мысль, выраженная в стихотворении, не нова у Пушкина. Самая ранняя ее формулировка находится в строфе XXXVIII второй главы «Евгения Онегина»:

Увы! на жизненных браздах
Мгновенной жатвой поколенья,
По тайной воле провиденья,
Восходят, зреют и падут;
Другие им вослед идут...
Так наше ветреное племя
Растет, волнуется, кипит
И к гробу прадедов теснит.
Придет, придет и наше время,
И наши внуки в добрый час
Из мира вытеснят и нас!

(VI, 48)

Здесь философский тезис высказан в форме легкой шутки. Поэт сознает, что отрицание жизни заложено в самой жизни, но этот «общий закон» он еще не применяет к себе, не связывает с мыслью «о смерти неизбежной». Через несколько лет та же тема о смерти и смене поколений поставлена в стансах «Брожу ли я вдоль улиц шумных» (1829). Неотступная, трагическая мысль о смерти своей и своего поколения завершается благословением новой, молодой жизни, которой принадлежит будущее. В обращении к «младенцу» уже появляются ноты того жизнеутверждающего оптимизма, которым пронизано «Вновь я посетил». Но пушкинский оптимизм достигнут через преодоление страдания, горечи, обусловлен постижением законов жизни и исторического процесса и потому проникнут ясной мужественностью духа. Мотив изменения мира, непреложности, необходимости этого изменения встречается и в стихотворении, написанном к лицейской годовщине 1836 г. Пушкин напоминал друзьям «судьбы закон», неутомимо изменяющий их вместе со всем окружающим миром.

Н. Л. Бродский, комментируя «Евгения Онегина», связывает отрывок «Увы! на жизненных браздах» с философской концепцией «Системы природы» Гольбаха, из идейного фонда которого Пушкин черпал «органически близкое ему утверждение жизни, ее сущности, сознание, что мыслящий человек, подчиненный „естественному закону“, невзирая на гибель многого и самую

смерть, имеет возможность думать, радоваться, страдать».²⁶ Более поздние стансы «Брожу ли я вдоль улиц шумных» исследователи соотносят с «Опытами» Монтеня.²⁷

Действительно, стансы полны отзвуков XX главы «Опытов», которая называется «О том, что философствовать — значит учиться умирать». Просьба о присылке «Опытов» Монтеня в письме к жене от 21 сентября 1835 г. не случайно стоит рядом с намеком на появление «дури», как называл иногда Пушкин вдохновение («авось засяду»). Нити ассоциаций вели его от воспоминаний и размышлений о будущем к мыслям о жизни вообще, неудержимо стремящейся и уходящей, и заставили снова вспомнить Монтеня. «4 синих книги» сохранились в библиотеке поэта.²⁸ В одну из них, в главу XX, вложена закладка. Мы не знаем, успел ли поэт получить свои книги (меньше чем через месяц после своей просьбы он уже вернулся в Петербург), закладка могла оставаться от более раннего чтения Монтеня, но философский подтекст «Вновь я посетил» близок названной главе «Опытов», и желание перечитать еще раз французского философа несомненно связано с зарождением замысла стихотворения.

«Смерть есть одно из звеньев управляющего вселенной порядка; она есть звено мировой жизни», — писал Монтень.²⁹ Свойственное французскому философу диалектическое осмысление разумной гармонии природы было свойственно и Пушкину. Значит ли это, что мысль о жизни и смерти, как одном из проявлений вечного изменения мира, была следствием изучения философских сочинений, сперва Гольбаха, потом Монтеня? Вот та же мысль не в поэтической форме, а в ее обыденном, житейском проявлении — в письме к П. А. Плетневу от 22 июля 1831 г. в связи со смертью его друга П. С. Молчанова: «Эй, смотри, хандра хуже холеры, одна убивает только тело, другая убивает душу. Дельвиг умер, Молчанов умер, погоди, умрет и Жуковский, умрем и мы. Но жизнь все еще богата; мы встретим еще новых знакомцев, новые созреют нам друзья, дочь у тебя будет расти, вырастет невестой, мы будем старые хрычи, жены наши — старые хрычевки, а детки будут славные, молодые, веселые ребята; мальчики станут повесничать, а девочки сентиментальничать; а нам то и любо» (XIV, 197). Пушкин приемлет смерть, потому что она неизбежна как «общий закон» природы. Проявление этого закона и в очеред-

²⁶ Н. Л. Бродский. Пушкин. Биография. М., Гослитиздат, 1937, стр. 527—528.

²⁷ В. Бутакова. Пушкин и Монтень. — В кн.: Временник Пушкинской комиссии, т. 3. М.—Л., Изд. АН СССР, 1937, стр. 203—214; С. Д. Артамонов. Монтень, Шекспир, Пушкин. Филиация идей. — В кн.: Писатель и жизнь, вып. V. М., «Наука», 1968, стр. 142—146.

²⁸ Essais de Michel De Montaigne. Nouvelle Edition. Paris, 1828. См.: Б. Л. Модзалевский. Библиотека А. С. Пушкина. СПб., 1910, стр. 292 (№ 1185).

²⁹ М. Монтень. Опыты, кн. 1. М.—Л., Изд. АН СССР, 1954, стр. 110.

ности — сперва должен умереть тот, кто старше, «Жуковский», потом «мы», потом «наши детки».

Размышления об «общем законе» настолько органично входят в сознание Пушкина, что вряд ли истоки их следует искать у каких-либо философов. Будучи хорошо образован и осведомлен в философских учениях, он, однако, не чувствовал склонности к отвлеченному философскому мышлению. В известном письме 1827 г. по поводу «немецкой метафизики» он упрекает Любомудров в том, что они «из пустого в порожнее переливают» (XIII, 320). Не будучи связанным какой-либо догмой, Пушкин обладал критическим умом, мыслил общечеловеческими масштабами, и система его взглядов определялась непосредственным чувством, наблюдением. Как чуткий и мыслящий художник, он задумывался над общими вопросами жизни, над ее закономерностями. Не обязательно читать Гольбаха или Монтеня, чтобы отметить изменяемость мира, но нужно обладать жизнеутверждающей силой Пушкина-поэта, чтобы наполнить эту мысль огромной лирической энергией, заложенной в скупые и строгие строфы, а трагическую тему смерти решить в плане просветленного альтруизма. Стихотворение основано на наблюдении, его основная мысль проистекает не из философского понятия, а из жизненного опыта и выражена не рифмованными тезисами (как бывало в лирике признанных «поэтов мысли» — Любомудров), а самой структурой и логикой поэтических образов. Частный опыт поэта, конкретные жизненные впечатления получают силу художественного обобщения. В 1830 г. Пушкин писал о Баратынском: «Он у нас оригинален, ибо мыслит» (XI, 185). Эта оценка показывает, что характерное для эпохи требование поэзии мысли было внутренним убеждением Пушкина. Для поздней лирики Пушкина характерен дух трезвого и разумного размышления. Авторский образ зрелого Пушкина — это и конкретный биографический образ самого поэта, известный читателям и из его творчества, и по журнальной полемике, и по слухам и разговорам, но одновременно это и образ мыслящего человека своей эпохи.

Медитация, поэтические раздумья прочно входят в лирику Пушкина со второй половины 1820-х годов («Воспоминание», «Дар напрасный», «Брожу ли я», «Безумных лет угасшее веселье»). Многие из медитативных стихов Пушкина тогда же были напечатаны, и тем не менее при жизни поэта его обвиняли в бессодержательности и только после смерти современники увидели в нем поэта мысли. Александр Карамзин был не единственным, кто был потрясен обилием «высоких мыслей» в стихотворениях Пушкина. Баратынский в письме к жене (1840 г.) также удивлен, что Пушкин мог быть глубок: «Провел у <Жуковского> часа три, разбирая ненапечатанные новые стихотворения Пушкина. Есть красоты удивительной, вовсе новых и духом и формой. Все последние пьесы его отличаются, чем бы ты думала?»

Силою и глубиной. Он только что созрел». ³⁰ В лирике Пушкина 1820-х—начала 1830-х годов глубина мысли пряталась за привычной формой стиха. Те особенности поэтики Пушкина, о которых писал Карамзин, — «удивительная легкость», «роскошь выражений», «бесконечное изящество, соединенные с жаром души» — заслоняли в глазах современников поэтическую мысль. Там, где была истинная «поэзия мысли», видели только «формы самые изящные, самые утонченные». ³¹ Обращение Пушкина к поэзии размышлений, связанное со становлением новой поэтической системы — реализма, было не замечено, потому что стихи, в которых признаки системы проявлялись наиболее резко, остались ненапечатанными при жизни поэта. «Вновь я посетил» — одно из высших достижений Пушкина-реалиста. Через частный случай проявляются черты исторически определенного человека, конкретные переживания приобретают всеобщее значение, «нагая простота» слов — ясность и точность выражений и естественность авторского голоса сочетаются с глубиной мысли, а принцип прямого названия предметов становится средством литературного отражения жизни, исполненной национального колорита и типической выразительности.

³⁰ Е. А. Баратынский. Стихотворения, поэмы, проза, письма. М.—Л., Гослитиздат, 1951, стр. 529.

³¹ См.: С. П. Шевырев. Стихотворения В. Бенедиктова. — Московский наблюдатель, 1835, ч. III, стр. 11.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

**СТИХОТВОРЕНИЯ
ПУШКИНА
1820-1830-х
ГОДОВ**

**ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ
И ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ПРОБЛЕМАТИКА**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД**

1974